Кокина У.Д.

Правовая природа смарт-контракта

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-06-2021-213

*Научный руководитель
Корчагин А.Г.*

Аннотация

Цель данной работы заключается в установлении правовой природы смарт-контракта. Автором рассмотрены различные подходы к определению смарт-контракта и выделены его особенности. В результате анализа особенностей и различных подходов к определению смарт-контракта автор определяет смарт-контракт как соглашение сторон, которое исполняется автоматизированным образом и заключается в форме программного кода. В заключении автор приходит к выводу, что смарт-контракты представляют собой сделку с определенными особенностями и в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, цифровые финансовые активы, автоматическое исполнение обязательств.

Abstract

The purpose of this article is to establish the legal nature of smart contract. Author considers various approaches to defining smart contract and highlights its features. As a result of analyzing the features and various approaches to defining smart contract, the author defines smart contract as an agreement between the parties, which is executed in an automated manner and conducted in the form of a program code. Author concludes that smart contract is a transaction with certain features and currently not regulated by the legislation of the Russian Federation.

Keywords: smart contract, blockchain, digital financial assets, automatic fulfillment of obligations.

Понятие «смарт-контракт» тесно связано с технологией «блокчейн». Технология блокчейн представляет собой систему распределенных баз данных, где фиксируются транзакции и другая информация, защищенная криптографией и управляемая механизмом консенсуса. Механизм работы блокчейн был впервые описан Сатоши Накамото в 2008 году в статье “Bitcoin: A Peer-To-Peer Electronic Cash System”. В данной работе автор определяет блокчейн как технологию, которая объединяет записи данных, называемых блоками, в цепочку. Цепочка же представляет собой электронный распределенный список записей, за которыми пользователи или участники могут наблюдать с помощью компьютерной сети [1, с. 4].

Если говорить обобщенно, то блокчейн представляет из себя своего рода базу данных – базу без какого-либо конкретного места хранилища в отношении тех или иных цифровых объектов. В частности, блокчейн можно представить как таблицу Excel, которая одновременно хранится на многих компьютерах и содержит определенную информацию. К такой информации могут относиться, например, данные о принадлежности лицу тех или иных материальных объектов. В указанной базе хранится информация касательно всех транзакций участников системы в виде цепочки блоков (упорядоченных записей). Список упорядоченных записей в такой децентрализованной базе постоянно растет. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок. Новые записи вносятся только с согласия участников системы, а внесенная информация не может быть изменена либо удалена. Копии

цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга обрабатываются на разных компьютерах. То есть транзакции обрабатываются и верифицируются силами пользователей реестра. Блокчейн может хранить данные любого содержания, поскольку указанная технология представляет собой способ хранения информации [2, с. 16].

Самым распространённым примером использования технологии блокчейн в настоящее время является Биткойн. Успех биткойна доказал эффективность технологии блокчейн, и специалисты из разных стран начали принимать попытки расширить его функции и сферу применения. Началась гонка за создание блокчейнов, которые могли бы обрабатывать универсальные вычисления. Первой такой крупной платформой стала Ethereum программиста Виталия Бутерина. Для обозначения блокчейнов, которые могли бы обрабатывать универсальные вычисления Бутерин использовал термин «умный контракт» (смарт-контракт). С тех пор данное определение неоднократно подвергалось критике, поскольку смарт-контракт не обязательно представляет собой контракт в том смысле, в котором мы привыкли его понимать, и вследствие чего может вводить многих в заблуждение. И более того сам Бутерин публично выражал сожаление о выборе такого определения.

Так что же необходимо понимать под термином «смарт-контракт»? В контексте блокчейн смарт-контракт следует понимать, как компьютерный код, который хранится в блокчейн и к которому может получить доступ одна или несколько сторон. Как правило, смарт-контракт представляет собой программу, которая способна самостоятельно исполняться, согласно заложенным в нее алгоритмам. Благодаря технологии блокчейн, лежащей в ее основе, эта программа обладает следующими особенностями: децентрализованная обработка данных, защита от несанкционированного доступа и т.д. [3, с. 22].

Смарт-контракты можно использовать для решения множества задач. Так, смарт-контракты используются для токенизации, в качестве механизмов, лежащих в основе криптовалют и других цифровых активов. Их можно использовать для кодирования и автоматизации бизнес-процессов, совместно используемых и выполняемых несколькими сторонами. В данном случае, благодаря смарт-контракту, стороны могут добиться большего доверия и надежности в процессе, а также зачастую значительно повысить эффективность процесса и снизить затраты [3, с. 22].

Точно так же можно использовать смарт-контракты для программирования соглашения между сторонами, включающего стоимость и другие типы передачи активов, например, договор условного депонирования или расчеты на условиях DVP (поставка против платежа). Таким образом, данная технология помогает сделать сложные соглашения прозрачными и автоматизированным. Она основывается на заранее определенных условиях, что затрудняет или вовсе делает невозможным отказ какой-либо стороны от исполнения обязательств по контракту.

В юридической науке существует как минимум два подхода к определению понятия смарт-контракта и его правовой природе. Первая точка зрения гласит, что смарт-контракт — это часть программного обеспечения, которое способно самостоятельно регулировать отношения между сторонами без участия человека. Данная точка зрения, как правило, поддерживается представителями модернистского течения в праве.

В своей работе «Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права» Александр Савельев определяет смарт-контракт как договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств. Автор рассматривает смарт-контракты в качестве гражданско-правовых договоров, где присутствуют все признаки, свойственные соглашению сторон [4, с. 44].

Следует отметить, что такой подход фактически полностью исключает, или значительно ограничивает возможность применения правовых норм для регулирования общественных отношений, возникающих из смарт-контракта. Поддерживает эту точку зрения и британский ученый Имран Башир, утверждающий, что смарт-контракт должен выполняться без какого-либо вмешательства третьих сторон. Компьютерный код становится его правовой основой и обеспечивает условия транзакции. Смарт-контракт, будучи криптографически защищенным от внешнего вмешательства или взлома, может исполняться без обращения к нотариусам, судам или другим лицам, что и отличает его от обычного контракта [5, с. 8].

По мнению другой группы ученых, поддерживающих традиционные взгляды на право, смарт-контракт – это техническое средство, предназначенное для осуществления воли сторон, и не является договором.

Саймон Гейрегат дает следующее определение смарт-контракта – это аппаратное или программное обеспечение, которое инициирует, контролирует или документирует юридически значимые действия, в зависимости от заранее определенных и подтвержденных в цифровой форме событий, и посредством которых могут быть заключены юридически контракты. Автор добавляет, что смарт-контракт – это техническое средство, которое может быть использовано в договорной сфере, но не быть контрактом в прямом смысле этого слова, и в соответствии с этим правильное обозначение такого явления будет – технология умного контракта [6, с. 1148].

Похожей точки зрения придерживается и Томас Хайз Мейтингер. Он считает, что смарт-контракт – это юридическое соглашение, в котором применяются IT-технологии для гарантии его исполнения. Смарт-контракты автоматизируют действия, которые ранее уже были согласованы традиционным контрактом. Примером такого контракта может служить автоматическое производство платежей, которые согласованы сторонами, без посредников в виде банков или других организаций для гарантии транзакции [5, с. 9].

Антон Вашкевич считает, что смарт-контракты могут автоматизировать правоотношения, но при этом не все. Он выделяет определенные параметры, по которым можно отбирать правоотношения для автоматизации: 1. необходимо наличие понятного практического эффекта от применения смарт-контракта (с этой точки зрения, имеет смысл автоматизировать, например, повторяющиеся отношения, крупные сделки с рисками неоплаты); 2. необходимо наличие технической возможности внедрения, т.е. должны быть измеримые и поддающиеся «оцифровке» параметры (например, когда исполнение сделки связано с объективными и измеримыми параметрами, которые поддаются оцифровке) [7, с.19].

Так что же представляет из себя смарт-контракт: техническое средство, предназначенное для осуществления воли сторон, или полноценный договор в форме программного кода?

Для определения правовой природы смарт-контракта обратимся к его правовым характеристикам (особенностям). Во-первых, смарт-контракт – это всегда электронная форма сделки, существующей в виде программного кода и предполагающая обязательное использование электронной подписи. Отметим, что в соответствии со ст. 421 ГК РФ условия договора могут быть изложены на любом языке, в том числе и на языке программирования [8].

Во-вторых, смарт-контракты опосредуют перемещение определенных ценностей от одной стороны к другой и, как следствие, опосредуют отношения экономического обмена. Так как смарт-контракты могут существовать только в информационной системе блокчейн, то в качестве финансовых активов могут использоваться только цифровые финансовые активы (токен, криптовалюта).

Третьей особенностью является то, что как только смарт-контракт был заключен и попал в блокчейн, его условия невозможно изменить. В этом заключается и

уникальность смарт-контракта: смарт-контракт создается один раз и навсегда, любое изменение в нем создает другой смарт-контракт.

Как правильно отмечают многие исследователи, данную особенность смарт-контракта нужно рассматривать не только как преимущество, но и как недостаток. Так как условия смарт-контракта невозможно изменить, то могут возникнуть проблемы при существенном изменении обстоятельств или необходимости изменения отдельных его условий, к примеру адреса доставки товара [9, с. 86].

Четвертая особенность смарт-контракта прямо вытекает из третьей. Так как условия смарт-контракта невозможно изменить, то эта правовая особенность может быть квалифицирована как новый способ обеспечения выполнения обязательств, наличие которого устанавливает доверие между сторонами [10, с. 25].

Действительно, благодаря смарт-контракту в российском и зарубежном праве появился новый способ обеспечения обязательств. Данный способ заключается в том, что исполнение обязательства проходит без участия сторон, а по заранее заданным ими условиям в информационной системе блокчейн автоматически [11, с. 31]. Благодаря тому, что смарт-контракт обеспечивает надлежащее исполнение обязательств и гарантирует сторонам недопустимость одностороннего отказа от их исполнения, между сторонами договора устанавливается доверие. Данная особенность смарт-контракта принципиально отличает его от других, известных на сегодняшний день, форм договора, что требует внесения изменений в существующие способы исполнения обязательств.

Некоторые исследователи в качестве дополнительной характеристики смарт-контракта выделяют самоисполнимость. Как мы уже отметили, смарт-контракт позволяет только автоматизировать исполнение обязательств, но для того, чтобы обязательства наступили необходимо согласие сторон на это. Иными словами, не смарт-контракт сам себя исполняет, а стороны выражают согласие на исполнение обязательства с использованием смарт-контракта как программы (с технической стороны), и посредством их заранее выраженного согласия осуществляется исполнение смарт-контракта (как договора) в блокчейне [11, с. 29].

На наш взгляд не совсем корректно рассматривать смарт-контракт как способ выполнения обязательств или договорную конструкцию. Как мы уже отметили выше, смарт-контракт, действительно, формирует новый способ исполнения обязательств. Однако, рассматривая смарт-контракт как договорную конструкцию или способ выполнения обязательств, мы рассматриваем только техническую его сторону и игнорируем юридически значимые признаки автоматизированного исполнения обязательств из смарт-контракта.

Смарт-контракту свойственны все признаки, присущие электронным сделкам. Так, согласно п.1 ст. 420 ГК РФ, договором признается соглашение одного или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [12]. Смарт-контракты опосредуют перемещение определенных ценностей от одной стороны к другой и, как следствие, опосредуют отношения экономического обмена.

Во-вторых, при заключении смарт-контракта стороны выражают свою волю. Воля сторон может быть выражена способом, определенным в соответствующей системе. Так, воля может быть выражена путем подписания соглашения электронной подписью или проставления галочки «я согласен» в графе принятия условий соглашения. Так же стоит отметить, что с условиями смарт-контракта стороны могут ознакомиться заблаговременно, поскольку они являются доступными для всех участников соглашения.

В-третьих, посредством смарт-контракта устанавливаются права и обязанности сторон. И, в-четвертых, смарт-контракт позволяет идентифицировать лиц его заключивших.

Таким образом, смарт-контракт соответствует всем признакам сделки в гражданско-правовом смысле. Однако, необходимо отметить, что помимо традиционных признаков сделки, смарт-контракту соответствуют еще и некоторые специфичные юридические признаки, среди которых можно выделить особую форму изложения условий и автоматическое исполнение обязательств.

Исходя из вышеизложенного предлагаем определить смарт-контракт как соглашение двух или более лиц, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении цифровых прав, которое исполняется автоматизированным образом и заключается в форме программного кода.

Подводя итог, можно заключить, что смарт-контракт представляет собой сделку с определенными особенностями. В настоящий момент, на наш взгляд, еще рано говорить о том, способен ли смарт-контракт получить широкое применение на практике.

1. Cole R. Blockchain Technology: Implications for operations and supply chain management / Stevenson M., Aitken J. // Supply Chain Management: An International Journal. 2019. 35 p.
2. Ермакова И.В. Влияние сетевизации экономики на изменение положений конкурентного права (на примере блокчейн и смарт-контрактов в области рекламы и права интеллектуальной собственности) // Юридические исследования. – 2020. – № 9. С. 14-32.
3. Lyons T. Legal and regulatory framework of blockchains and smart contracts / Courcelas L., Timsit K. // EU Blockchain: observatory and forum. 2019. 38 p.
4. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-60.
5. Efimova L. Smart-contracts: between freedom and strict legal regulation / O. Sizemova, A. Chirkov // Information and communication Technology Law. 2021. 21 p.
6. Geiregat S. Cryptocurrencies Are (Smart) Contracts / S. Geiregat // Computer Law & Security Review. 2018. P. 1144-1149.
7. Вашкевич А.М. Смарт-контракты: что, зачем и как / А.М. Вашкевич // М.: Симплоер, 2018. 89 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. №27. Ст. 421.
9. Чурилов А.Ю. К вопросу о природе смарт-контракта в свете изменения гражданского законодательства / А.Ю. Чурилов // Хозяйство и право. 2019. №10. с. 79-89.
10. Ефимова Л.Г. Правовая природа смарт-контракта. / Л.Г. Ефимова, О.Б. Сиземова // Банковское право. 2019. №1. С. 22-28.
11. Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт: возникновение и развитие в гражданском праве. Предпринимательское право. 2020. №3. С. 25-31.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. №27. Ст. 420.

Копытовский Д.С.

Административное приостановление деятельности: проблемы применения административного наказания

*Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-06-2021-214

Аннотация

Административное приостановление деятельности – один из типов административного наказания, применимых в современной системе российского административного права. В соответствии с нормами действующего КоАП РФ административное приостановление деятельности – временное прекращение работы лиц, которые осуществляют предпринимательскую деятельность без образования юридического лица их филиалов, представительств, структурных отделов, производственных участков, а равно с ними – использования агрегатов, объектов,